

ЯРОСЛАВА ПУЛИНОВИЧ

Кристина Матвиенко

Ярославе Пулинович 27 лет, и её молодостью принято козырять: она часто пишет о ровесниках и даже о детях; у неё свежий, яркий голос, и своими сочинениями она реабилитировала постперестроечную юность. В 2007 году были «Мойщики» – лихая пьеса про идейных магазинных воров. В 2008-м – киносценарий «За линией», отмеченный наградой фестиваля «Новая драма» с лёгкой руки Алвиса Херманиса, которого восхитила точность передачи тайн детской жизни. В 2009-м – феноменально популярная в российских театрах «Наташина мечта», монолог девочки-подростка, избившей до полусмерти соперницу. В этом году у нее состоялись две большие премьеры: на киностудии СТВ сняли её «Я не вернусь», а первую «взрослую» мелодраму – «Жанна» поставили в Москве в Театре Наций с Ингеборгой Дапкунайте в главной роли.

Одна из самых известных учениц Николая Коляды много работает над инсценировками классики по заказам российских театров и участвует в миллионе лабораторий. В екатеринбургском Центре современной пьесы вместе со своими «единокровными» подругами по курсу Коляды и артистом-музыкантом Олегом Ягодиным сочиняет документальный спектакль о рок-музыканте с трагической судьбой Александре Башлачёве. С одной стороны, Ярославы Пулинович вроде бы много, а с другой – недостаточно: не хва-

тает её аутентичности, пьес-откровений, то есть самой трудной, но благодарной работы – работы для себя. Молодость, невероятное обаяние и мягкость, за которой чувствуется крепкий, «уральский» (на самом деле девушка родом из Омска) стержень – вот главные качества таланта и личности Ярославы Пулинович. С каждой новой вещью она становится взрослее, а хочется, чтобы не выросла и не превращалась в «зрелого автора».

Пулинович как творческая личность родилась благодаря Николаю Коляде: это он научил её записывать впечатления от мира в форме пьесы, заставил поверить в себя. «Я классический типаж Коляды, – говорит Ярослава. – Из деревни, в 16 лет приехала, писала стихи, прозу в тетрадах, не в валенках, правда, но тогда было лето!» Семейственность отношений – одна из главных черт круга Коляды и его учеников. И Пулинович, дочь журналистов, всё равно с удовольствием считает себя «деревенской». Ценить простоту их всех научил мастер – это говорят и те, кто постарше (Олег Богаев), и нынешние (Полина Бородина). «Когда за

Фото: Александр Матвиенко

«Жанна»
Ярославы
Пулинович:
как закалялась
сталь первых
бизнесменов
и бизнеследи
девяностых
(Жанна -
Ингеборга
Данкунайте,
Театр Нацгий)

Фото: Александр Иванович

тобой стоит такая сила, это очень важно, – продолжает Ярослава. – Ты начинаешь писать, ошибаться, снова писать, хотя бы для того, чтобы твой учитель Николай Владимирович прочитал эти строки». На деле простота и есть самое непростое, ведь описывать то, что знаешь, – самое трудное, потому что требует предельной открытости.

Варьируя тему травматичной юности, взросления через нелёгкий brutalный опыт, Пулинович живописует примерно один и тот же девичий тип – и в «Наташиной мечте», и в её сиквеле «Победила я», и в сценарии «Я не вернусь», и в пьесе «Птица Феникс возвращается домой» за выживание борются детдомовки либо те, кто оказался в экстремальной ситуации по вине злых, равнодушных или просто затюканных бытом взрослых. Эти, как правило, романтически окрашенные истории случаются с хорошими в принципе девочками не потому, что те их заслужили, но потому, что жизнь так жестока. В отличие от сигаретского Максима из «Пластилина» (ключевой пьесы натуралистической ветви «новой драмы»), девочки Ярославы Пулинович не погибают или барахтаются до самого конца, даже оказавшись на скамье подсу-

димых. Они исторгнуты этим миром, но их жизнь сказочнее, увлекательнее обычной – и в таком «роуд-муви» не прочь поучаствовать любая их ровесница. В чужом облике, как героиня «Я не вернусь», они готовы перейти черту, чтобы спастись. Они честны, потому что они – лучшие. Колядовский код состоит в умении разглядеть в помочной реальности алмазы, пожалеть того, кто тяжело, но интересно живёт, посочувствовать «падшему», во внимательном отношении к «щелям» реальности, где и сохраняется живое слово, а значит, живой дух. Этот код Пулинович претворяет в мажорной тональности. «За линией» – киносценарий о компании детей, которые живут у железнодорожного переезда и играют в простые и увлекательные игры бедных, пока взрослые заняты своими сложными проблемами. Он писан как бы «передвижником», но в духе художника Ярошевича, видевого из зарешеченного окошка вагончика цветочки и голубков. Эта специфическая оптика, драйв, витальность, умение чётко видеть, что и как происходит в конкретной бытовой ситуации, помножены у Ярославы Пулинович на колядовское чувство жалости к человеку и колядовскую же сентиментальность.

Пулинович заразительна: героиня «Наташиной мечты» решила убить свою ни о чём не подозревающую «соперницу» просто потому, что судьба оказалась более благосклонна к ней, а не к девочке Наташе из детдома. И вся пьеса-монолог была последним словом героини перед приговором в зале суда. Иррациональная жалость зрителя-читателя – на стороне Наташи, а не чистенькой, удачливой девочки, умеющей и на фортепиано, и петь, и танцевать, но, может, не такой талантливой, как дикий неприрученный зверёк Наташа. Сюжет – социальная мелодрама, несостоявшаяся «лав-стори»; способ рассказывать – точное воспроизведение мелодики и косности речи девочки-детдомовки или, точнее, девочек определённого возраста. Внимание к языку – ещё один подарок учителя Коляды, умеющего настроить слух своих студентов так, что они распознают речь современников как богатый материал для театра. «Реально самая клёвая», «чёр», «воспитки» – словесный арсенал героини «Наташиной мечты» звучит как музыка. Множество сценических версий самой популярной пьесы Ярославы Пулинович обусловлено авторским чувством живого театра. Оно позволяет играть «Мечту» и в лапидарном ключе, как у Дмитрия Егорова в Саратовском ТЮЗе (первая постановка пьесы) или у Шамиля Дыйканбаева в ЦИМе, и в жанре урбанистического мюзикла, как это сделал Роман Феодори в Красноярском ТЮЗе.

Любопытно, что, казалось бы, экстравертная и активная Ярослава, много контактирующая с театром и людьми театра, в ситуации workshop действует в одиночку. Так было и на выездных семинарах – режиссерско-драматургических лабораториях в Никольском-Вяземском, где пишущие и ставящие пытались найти общий язык и сочинить будущий спектакль совместными усилиями. Так было и в работе лаборатории на фестивале ТПАМ («Театральное пространство Андрея Могучего»), когда драматургам предлагалось сочинить пьесу специаль-

но для старой петербургской квартиры, где о жизни прошлых обитателей свидетельствовали брошенные фотографии и предметы быта. Пулинович сразу написала полнометражный «Бесконечный апрель» (2011), в котором жизнь семьи показывалась ретроспективно, от тяжёлых блокадных дней до нынешней реальности с риелторами и никому не нужными стариками, чьей смерти дожидаются с нетерпением. Казалось, замысел пьесы был у неё и раньше, но его требовалось отшлифовать и поместить в пространство петербургско-ленинградского мифа. Эта герметичность – тоже свойство творческого почерка Ярославы Пулинович, и оно заметнее от пьесы к пьесе, когда автор возвращается в привычном кругу персонажей, обнаруживая всё новые повороты в любимых сюжетах.

Выходя за пределы самого знакомого и близкого, молодой драматург вступает на территорию мелодрамы – как в «Жанне», героиня которой, успешная бизнесвумен, проделала путь от мести за измену к добру и милосердию. Пулинович разрабатывает застарелое и глубоко сидящее в постсоветском сознании клише и, по сути, подтверждает его жизнеспособность – ведь роман героини и попавший в серьёзный переплёт (между взрослой опекуницей-любовницей и юной глупой женой) молодого человека заканчивается ничем в смысле отношений. Вместо любви к мужчине героине подарено неожиданное чувство материнства к чужому ребёнку. Пьеса «Жанна» – попытка написать про взрослых, понять логику их поведения, слабостей и привычек. Наиболее сложное здесь – заставить себя не воспроизводить каноны «хорошо сделанной пьесы». В этом случае автора ждёт признание театров, но чего оно стоит, если взамен будет потерян свой голос? Дело не в жанре – мелодраматичность сама по себе не имеет негативной окраски. Дело именно в точности – у Ярославы Пулинович ясный взор и чуткое ухо, так с чего бы ей терять и то, и другое при переходе на территорию «взрослых»?

YAROSLAVA PULINOVICH

Kristina Matvienko

Yaroslava Pulinovich is 27 years old, and it is customary to flaunt her youth: she really does frequently write about her peers and even about children; she has a fresh, bright voice, and her works have rehabilitated the post-Perestroika youth. In 2007 there were the “Washers” – a dashing play about ideological store thieves. In 2008 – a screenplay titled “Beyond the Line”, recipient of the New Drama Festival award thanks to Alvis Hermanis, who was charmed by its accurate manner of conveying the mysteries of children's life. In 2009 came “Natasha's Dream” – a monologue of a teenage girl that beat her rival to within an inch of her life, phenomenally popular in Russian theatres. This year the young playwright had two major premieres: the CTB Film Company made a movie based on her play “I Won't Come Back”, and her first “adult” melodrama “Zhanna” was staged in Moscow at the Theatre of Nations with Ingeborga Dapkunaite in the lead.

One of Nikolai Koliada's most famous students (she graduated from his Dramaturgy course at the Yekaterinburg State Theatre Institute in 2009), she has done a lot of work staging the classics on commission from Russian theatres and takes part in tons of workshops. At the Yekaterinburg Contemporary Drama Center she is working together with her “kindred” Koliada course classmates and artist musician Oleg Yagodin on creating a documentary production about Alexander Bashlachev, a rock musician with a tragic fate. On the one hand there seems to be a lot of Yaroslava Pulinovich, at the same time, there doesn't seem to be enough of her: there isn't enough of her authenticity, her confession plays, in other words, of the most difficult but gratifying work – work for one's own self. Youth, incredible charm and gentleness with a strong “Ural” (the young woman actually hails from Omsk)

core behind it – those are Yaroslava Pulinovich's principal character and personality traits. With every new original piece the playwright becomes more mature, and we find ourselves wanting her to not grow up, to not become a “mature author.”

Pulinovich was born as an artist thanks to Nikolai Koliada: he was the one who taught her to write down her impressions of the world in the form of a play, made her believe in herself. “I am Koliada's classic character type,” says Yaroslava. “I'm from the country, I came to the city when I was 16, I wrote poems and prose in my notebooks. Sure, I wasn't wearing valenki, but it was summertime, after all!” The familial nature of relationships is one of the principal traits that defines the circle of Koliada and his students. And Pulinovich, the daughter of journalists, still gladly considers herself a “country girl.” The master taught all of them to value simplicity – that is confirmed by both

Photo by Alexander Ivanishin

older students (Oleg Bogayev) and current ones (Polina Borodina). "When you have such formidable force behind you, it is very important," Yaroslava continues. "You begin writing, making mistakes, writing again, even if only so your teacher Nikolai Vladimirovich would read these lines you wrote." In reality, simplicity is what's actually the most challenging to write, because being oneself, describing what you know is the most difficult thing to do, for it requires utmost candor.

In manipulating the subject of traumatic youth, growing up through a harsh experience, Pulinovich paints roughly the same type of a girl – in "Natasha's Dream", in its sequel "I Won", in the script titled "I Won't Come Back", and in the play "Phoenix Returns Home" it is girls from a children's home that are fighting for survival or those that found themselves in extreme circumstances because of adults, who are malevolent, uncaring or simply beaten down by life. These mostly romantically tinted stories happen to girls that

are essentially good, and not because those girls deserved them, but because life is so cruel. Unlike Sigarev's Maxim from "Plasticine" (the key play of the New Drama's naturalistic branch), Yaroslava Pulinovich's girls either do not die or they flounder until the very end, even when they end up in the prisoner's dock. They have been expelled by this world, but their life is more magical, more fascinating than the normal kind – and any one of their peers would be happy to take part in such a "road movie." Dressed in disguise, like the protagonist in "I Won't Come Back", they are prepared to cross the line in order to save themselves. They are honest, because they are the best. Koliadian code consists of one's ability to spot diamonds in a filth-filled reality, to feel sorry for someone who has a difficult but interesting life, to sympathize with the "fallen", of careful consideration for the reality's "cracks and crevices", where the living word and, consequently, the living spirit, is preserved. Pulinovich imple-

ments this code in major key. “Beyond the Line” is a movie script about a group of children that live near a railroad crossing and play simple and exciting games of the poor, while the adults are busy with their own complex problems. It feels as though it has been painted by an “Itinerant” but in the spirit of painter Yaroshevich, who saw little flowers and dovelets out of the grilled window of his train car. In Yaroslava Pulinovich this unique type of optics, drive, vitality, the ability to clearly see what happens in a specific everyday situation and how are multiplied by Koliadian sense of pity toward a human being and Koliadian sentimentality.

Pulinovich is infectious: the protagonist of “Natasha’s Dream” decided to murder her unsuspecting “rival” simply because fate was more favorable toward her rather than toward Natasha, a girl from an orphanage. And the entire monologue play was the final words of the protagonist, as she awaited her sentence in the courtroom. The spectator-reader feels ir-

rational pity toward Natasha, rather than toward the squeaky clean, lucky girl, who knows how to play the piano, how to sing and dance, but who may not be as talented as Natasha, a wild untamed little animal. The plot is a social melodrama, a failed “love story”; the method of telling it is a faithful reproduction of the melody and defectiveness of speech of a children’s home girl, or, rather, girls of a certain age group. This attention to language is another present from her teacher Koliada, who is able to tune his students’ ear in such a way as to make them see the speech of ordinary people, their contemporaries, as rich theatre material. “The coolest one for real”, “huh”, “those teacher women” – the verbal arsenal of “Natasha’s Dream’s” protagonist flows like music. The reason for the great number of stage versions of Yaroslava Pulinovich’s most popular play is the author’s sense of living theatre. It makes it possible to stage the “Dream” in a terse style, as it was done by Dmitri Yegorov at the Saratov Youth Theatre (the play’s

first production) or Shamil Dyikanbaev at the Meyerhold Theatre Center, and in the style of an urban musical, the way Roman Feodori did it at the Krasnoyarsk Youth Theatre.

It is curious that someone as seemingly extroverted and energetic as Yaroslava, who engages constantly with theatre and people, goes it alone in a workshop situation. This was also the case during offsite seminars –workshops for directors and playwrights in Nikolskoye-Vyazemskoye, where those who write and those who stage tried to find common ground and create a future production through joint efforts. This was the case during the workshop at the Andrey Moguchy’s Theatre Space festival, where playwrights were offered to write a play expressly for an old St Petersburg apartment, where abandoned photographs and household items spoke of the lives of its former occupants. Pulinovich instantly wrote a full-length play titled “Endless April” (2011), where a family’s life was shown in retrospect, from the difficult days of the blockade to the reality of today with realtors and old people, whom nobody needs and everyone anxiously expects to die. It seemed as though she already had the idea for the play earlier, but she needed to polish it and place it into the St Petersburg - Leningrad myth space. This air-tightness is another feature of Yaroslava Pulinovich’s artistic signature, and it becomes more and more obvious from play to play, when the author moves in a familiar circle of

characters, discovering ever new twists in her favorite plots.

Going outside the boundaries of the familiar and dear, the young playwright enters the domain of melodrama – for instance, in the play “Zhanna”, whose protagonist, a successful businesswoman, made the journey from revenge for unfaithfulness to kindness and mercy. Pulinovich develops the old cliché, deeply seated in the post-Soviet consciousness, and essentially proves its vitality – after all, the love affair between the protagonist and a young man, who found himself in a serious bind (between a mature guardian-lover and a young foolish wife), ends in nothing in terms of a relationship. Instead of love for a man, the protagonist is granted unexpected motherly feelings toward another woman’s child, who also needs her care. The play “Zhanna” is an attempt to write about grown-ups, to understand the logic of their behavior, their weaknesses and their ways. The most difficult thing here is to stop oneself from reconstructing the canons of a “well-made play.” Recognition from theatres awaits the author in that case, but what good is that recognition if the cost is the loss of one’s own voice? It is not about the genre – melodramatics by themselves do not have a negative tint to them. It is about precision – Yaroslava Pulinovich has a clear eye and a sensitive ear, so why would she want to lose the former and the latter by moving over to the land of the “adults”?

